

НА АЛТАЕ

Летит паук на тонкой паутинке,
Парит от дуновенья ветерка.
Обочь тропинки тянутся куртинки
Сурепки и головок бодяка.

В горящих платьях бедные саранки
Испить из лужи силятся воды.
Шуршат у ног песчано имаранки,
Хвостами заметаючи следы.

Прсмычнется вихрь — и сразу краски меркнут.
Ударит солнце — нате краски вам!
А со скалы взирает мрачно беркут
И, видно, я ему «не по зубам».

Он головой ведет за мной лениво,
Спокойно зрит владение свое.
А вдоль всего скалистого обрыва
Свисает покрывалом мумие.

Веками снег лежит на горных кручах
С названьем незапятнанным «белки».

Летит к вершине грозовая туча,
Пытаясь сходу взять ее в штыки.

На этом, самом дальнем перевале,
По выцветшим читаю лоскутам,
Развешанным по палкам и кустам,
Что люди здесь давно не пребывали.

Плетусь по склону каменной лощины,
Времен седых исследую пласты
И вижу дней исчезнувших картины
И первожизни смутные черты.

НА ВЕРШИНЕ

Залиты лощины молоком тумана.
Об меня кромсает ветер облака.
Я сбычный смертный, без чинов и сана,
Но на мир взираю богом — с висока.

Здесь насквозь продута каждая травинка.
И острее бритвы из земли торчат

Серые каменья. Ни одной пылинки!
Мир живой, должно быть, только тут зачат.

В диком одеянье здесь застыла вечность.
Воздух — мед и свежесть, только б пить и пить.
И гляжу до рези в мира бесконечность,
И хочу таким же бесконечным быть.

Ерник под ногами затаенно дышит.
В каменистых чашах — синяя вода.
Я на той вершине стал сегодня выше
И уже не стану ниже никогда.

В ОТРОГАХ ТУКУРИНГРЫ

Здесь, как и там, в лесных краях и селах,
В борах и ярах средней полосы,
Жужжат в ракетах деловые пчелы,
Горят огни серебряной росы.

Расставил листья лопухий ревень,
И духота средь елей и осин.
Все, как и там. Но вряд ли кто поверит:
Вдоль речек здесь стада из... белых льдин!

Они под жарким солнцем спины греют,
И синий пот стекает по хребтам.
Черпну ладошкой в рот — и рот немеет,
Но здоровею мигом, чую, сам.

Здесь каждый тополь — в два моих обхвата,
На километр здесь ближе к нам луна.
Здесь сплошь покрыто все росистой ватой,
Но только эта вата зелена.

Медвежий край. Морошка да брусника.
Тобой спешу и думать и пьянеть.
Твоею волей, чистою и дикой,
Я буду в шумном городе болеть.

М О Х

Он мягок, сочен, нежен, зелен.
Он здесь не годы, а века
Лежит, природою постелен
На голых каменных щеках.

Когда натерла ноша плечи
И ноги больше не идут,
Когда дышать мне больше нечем,
Ложусь и отдыхаю тут.

И снова мну его ногами,
Спеша достичь альпийских трав,
Но разбиваю в кровь о камни
Лодыжку, в пустоту попав.

А до вершин — подать рукою,
Глазами вымерен маршрут...
Я душу, может, успокою,
Когда не я — меня найдут.

ЭНТОМОЛОГ

Километров за сто от деревни,
Проходя вдоль хребта по засекам,
Встретил я в государстве деревьев
Бородатого человека.

Он, увлекшись, гонялся за совками,
И опушкой бежал и ельником.
Удивляясь движеньям ловким,
Я глазел на живого отшельника.

Нежных линий лицо незнакомое,
Добродушная физиономия.
Рыже-ржавый кудлатый ворох.
— Понимаете, я энтомолог.

Все букашки — моя профессия,
Здесь особенно их обильно.
Только, правда, не очень весело
Да дичаю на внешность сильно.

Так пойдете ко мне, под боком тут.
Напою превосходным чаем,
Покажу неизвестные коконы,
Что вчера отыскал случайно.

Покажу, что еще не описано:
Новых гусениц пядениц, совок.
Что сказали, «не балуют письмами?»
Я почти позабыл это слово.

«Сколько лет мне?» — какая разница.
Двадцать два на днях исполняется.
В день рожденья такое празднество! —
Получу от пестрянок яйца...

Где-то мамочка, где-то папочка
Далеко за Сихотэ-Алинем.
Сын тут ловит красивых бабочек,
Называет их по-латыни.

Одежонка — сплошные латки,
И никак не достанет лучшую,
Потому что в селе в промпалатке
Он бывает от случая к случаю.

Сосны кронами темно-зелеными
Тяжело в поднебесье машут.
Верю я в молодого ученого,
О котором когда-то расскажут.

В СТАРОЙ ЗЕМЛЯНКЕ

Посреди березового царства,
Там, где морем плещется трава,
Словно бы ни с кем не хочет знаться,
Дверь стоит, как старая вдова.

Ручкой гвоздь согнут в начале века,
Затхлый запах ударяет в нос.
Думаю о прошлых человеках,
Коим быть в стенах сих довелось.

На тесинке — жирная лампадка,
Густо припорошена песком.
Что здесь было, сладко или гадко?
Дед-паук, поведай мне о том.

Расскажи, иссушенная плесень,
Что белилами на сруб легла,
Чем был микроклимат интересен
Здесь, когда ты мокрою была?..

Пара сухарей и кружка чаю.
Ноги упираю в дно мешка
И спешу скорее в сон отчалить
До побудки солнца-петушка.

Чей-то шорох мысль взбудрил вопросом,
Что-то прошуршало вдоль мешка
И застыло прямо возле носа...
Что, дружок, поди тонка кишка?

Дал лучом фонарика по «что-ту».
Да, хозяйка. Да, она ждала,
Бессловесно требовала квоту —
Плату за постой и все дела.

Я расчет устроил с нею быстро,
Бросил с нар сухарь куда-то вниз.
Соскользнула враз на землю крыса
И в момент созвала стадо крыс.

Писк, грызня, возня и все такое.
И за плату даже нет мне сна.
Выйду-ка и сердце успокою.
А на черном небе тишина...

П Е С Т У Н

Ерожу, скитаюсь по родным просторам,
Где все перемешалось навека:
И розовость кипрейных косогоров,
И дикая замшелость листвяка.

Ловлю любой неосторожный шорох.
Любому шуму, писку, всплеску рад.
И вдруг как гром обрушился на горы —
Сметающий, разящий камнепад!

И в этой серо-синей круговерти
Средь моря ниспадающих камней —
Громадный ком охристо-темной шерсти
С вахальной мордой, прячущейся в ней.

И вот уже стоим друг против друга,
Медведь и я, двуногий бородач.
Он любопытен. Нет во мне испуга.
Он хладнокровен, ну а я горяч.

Ноздрями водит — изучает воздух:
Такого чуда, дескать не встречал.

А вскинув морду, зарычал негрозно,
Затем, видать, чтоб я не заскучал.

Держу кинжал все время наготове,
Пойдет в атаку — садану под дых.
А он, смотрю, совсем не жаждет крови,
Как будто он из мишек цирковых.

Я задом пачусь — он идет по следу.
Я шасть за тополь — он стоит уже.
Мне с ним не страшно. Видно, игры эти
И пестуну пришилися по душе.

Он провожал меня с часок, не боле,
Потом замедлил и совсем отстал.
А у меня душа зашлась от боли,
Как будто друга нынче потерял.

«ТУГУРСКИЙ ПОП»

Держу костер. Уже давно за полночь.
На ветках мягких иглистых дремлю.
«Тугурский поп» зовет, зовет на помощь.
Не примет, знаю, помощь он мою.

Рыдает мать единственного сына,
Его сейчас кладут, наверно, в гроб.
Нет, то не мать — проклятый образина,
«Тугурский поп». Тугурский плачет поп.

Был человек певун, других не надо.
Сошел с ума. Хохочет, идиот.
Но знаю я, что это все неправда,
Что это «поп» хохочет и поет.

Он до упаду надрывать может.
Он может перейти на детский крик.
Хоть на кого он может быть похожим,
Но только птицей быть он не привык.

«Попа» за это люди невзлюбили,
Клянут его порой и ночь, и день...
Живет в лесу дремучем мудрый филин
И никакого дела до людей!

ВНИЗ ПО АЛЕУНУ

Готорлю плот, скорее к людям надо.
Звенит о сухостоину топор...
Я углываю, и со мною рядом
Плывут неслышно цепи синих гор.

В бездонном небе в вальсе старомодном —
Супружеские пары лебедей.
Увидеть можно здесь кого угодно,
Кого угодно, только не людей.

Здесь зноем все полуденным объято.
Заснула мандаринка на суку.
И обомшелый сын тайги — сохатый
Залег, почтенный, в грязь на берегу.

Стоит лосиха в речке по колено
И тянет морду к молодой ольхе,
А сын, прильнув к соску, самозабвенно
Губами сучит в теплом молоке.

Багульником прошла косуля труско.
На кривунах покой и тишина,
Лишь на косе смешная трясогузка
Охотой на стрекоз увлечена.

У заводи, где тонкие рогозы,
Темнеют спины отмерших деревьев,
Застыл секач, без страха и угрозы
В меня беззлобно глазки уперев...

Крадется тень упрямо и сторожко,
Но белизна березок, как свеча,
Мне освещает узкую дорожку
До горного студеного ключа.

И вот уже орудую на «кухне»,
Костром до самых пяток прокален.
Сгребаю в кучу гаснущие угли,
Стужу дымком пропахнувший бульон.

Ползет тепло за шею и на плечи.
За целый день перекусить не грех...
Потом на карте крестиком помечу,
Где до меня здесь не был человек.

А Р И З

(картинка из недалекого Будущего)

В кабинет к Юрьеву вошла маленькая сгорбленная старушенция. Сетка глубоких морщин покрывала ее лицо, усталые, глубоко запрятанные в подлобье глазки с надеждой смотрели на доктора. На вид ей было все девяносто.

— Слушаю вас.

— Милушка, — начала она вкрадчивым голосом, — слышала я, что вы тут из старух чего только не выделяете. Может, сможете и из меня чего. Век благодарить... — она сделала движение пасть на колени, но Юрьев в резком порыве удержал ее.

— Когда вы записывались?

— Без записи я, милушка. Тут вот в очереди часков десять просидела — продремала и не знала, что записывают.

— Ну, хорошо. Вам-то для чего ЭТО?

Старушка сделала некое подобие улыбки. Морщины при этом сошлись так близко, что мелкоячеистая сетка на лице стала еще более похожей на желтый поношенный гипюр.

— А-то, милушка, сам не знаешь. Помирать-то оно никому неохота. А молодухой побыть какой женщине не приятно!

— Ладно. Присядьте на кушетку. Значит, говорите, молодухой охота побыть. Вера Ивановна, включите аппаратуру. Дайте электрофорез ариза в область обеих щек.

Из соседней комнаты вышла красивенькая медсестра на точеных ножках-бутылочках и, вынув из ванночки приготовленные заранее марлевые тампоны, стала пристраивать их на оловянно-серебряных электродах.

— Десять минут? — тихо спросила Юрьева.

— Не больше, — твердо сказал он, не отрываясь от писанины.

Старушка не спускала глаз с медсестры, напряженно следя за каждым ее четким, профессиональным, движением.

— Лектричество? — тревожно спросила она, когда Вера Ивановна стала крутить ручки настройки аппарата.

— Постоянный ток низкого напряжения. Да вы не бойтесь, будет только легкое покалывание.

Когда через десять минут аппарат отключили, Юрьев при-

сел на стул напротив старушки и долго массировал своими холодными пальцами ее вдруг порозовевшее лицо.

— Как себя чувствуете? — спросил он.

— Хорошо, милушка! — она вскинула руку к своим морщинам, провела по ним, как по мехам гармошки. — Так это... вы ничего еще не сделали? — спросила с подозрением.

— Потерпите, бабуся. Все, все сделаем. Сколько же вам лет?

Она жеманно улыбнулась, приоткрыла рот, в котором печально поблескивало десятка полтора изъеденных временем зубов, и, наконец, сказала полвека назад заученную фразу:

— У женщин года не спрашивают.

— Понимаю, — усмехнулся Юрьев. — Дед-то еще живой?

— Слава богу, годов шесть как помер.

— Вера Ивановна, давайте тинцин.

Медсестра обмакнула тампоны в медообразную жидкость с приятным земляничным запахом и, уложив их на электроды, повернула ручку настройки:

— Сейчас вы немного почувствуете...

— Что почувствую, внученька?! — испугалась клиентка.

— Ну, как вам сказать... несколько непривычно будет ощущение для кожи и мышц вашего лица. Через час-два привыкнете.

— Будет больно?

— Да нет же! — улыбнулась медсестра. — Просто введу вам под кожу пенообразователь, который вспучит ариз и расправит ваши морщины. Придется маленько потерпеть. Красота требует жертв...

— Не надо жертв, милушка! Может, от одного ариза помолодею.

— Нет, бабуся. От одного его не помолодеете. Да чего вы боитесь! Вот когда мне это делали, я совсем не переживала.

— А сколько ж тебе лет, милушка?

— Шестьдесят три, бабуся.

Старушка открыла рот. В этот момент она почувствовала, как лицо ее становится «не своим». Деревянным.

— Закройте рот! — потребовала Вера Ивановна. И так как старушка была не в силах сделать это сама, сомкнула ей челюсти своей рукой.

Когда минут через пять все было кончено, Юрьев, которого слегка покоробил долгий, вспоминающий, взгляд клиентки, сказал:

— Ну, вот. А сейчас те же операции в том же порядке мы проделаем вам на лбу и подбородке.

Прошло еще полчаса, прежде чем медсестра поставила на стол перед клиенткой круглое зеркало:

— Такой вы хотели себя видеть?

Старушка глянула в зеркало и обомлела. Ее чистое, розовое, с едва заметными следами морщин лицо, источая земляничный аромат, выглядело как у незамужней царевны.

— Этак... этак... — запричитала она, оглядывая свои одежды. — Что же я этак буду делать?

Ей вдруг стало стыдно, что она наряжена в это черное цветастое платье до щиколоток, в опущенные собачьим мехом комнатные тапочки. Переборов минутное смущение, она облизала губы, бросила на доктора жаркий, зажигающий взгляд и поманила его за ширму:

— Что же это ты, Сеня, не узнал! А ведь твоих детишек я, слава богу, вырастила.

Немея, Юрьев только и вымямлил:

— Что вы говорите, гражданка!..

— А то и говорю, Сеня, что алиментов от тебя было с гулькинос. Все ездил, скрывался, следы запутывал. Ну, да ладно. Чего уж старое ворошить. Али не помнишь?.. Да где уж тебе помнить, когда ты за каждой юбкой норовил волочить-ся...

Оглядываясь, словно ища поддержки, Юрьев взял, наконец, себя в руки, отрубил:

— Ну, хватит, гражданка! — и приоткрыв дверь, пригласил. — Заходите, кто следующий.

Но преобразившаяся клиентка повела себя еще боевнее, захлопнув дверь перед изумленной очередницей:

— Сеня! Ша! — она вскинула ручку к его шее. — Пятно-то вот осталось. Небось, не забыл, как Ванечка нечаянно споткнулся и на тебя жиром со сковородки шкварнул? Вспомни-ка! Вспомни!..

— Во-он! — заорал зверинно Юрьев и больно ухватил клиентку за плечи, чтобы вышвырнуть.

— А ты ничего, Сеня, — спокойно и даже ласково сказала она. — Силенка-то еще есть. Видать, частенько ариз принимаешь.

Бешеные глаза доктора вдруг пожухли, плетьюми вытянулись вдоль тела руки:

— Твоя взяла, Маша...

КАК ВЫБИРАЛИ ВОЖДЯ (фантастический рассказ)

Несколько лет назад археологическая экспедиция Рея Свифта, проводившая раскопки в Центральной Азии, нашла теменные кости, принадлежавшие разным людям. Ученых поразило то, что толщина отдельных костей не вписывалась ни в какие рамки. Она была целых два пальца! 42 миллиметра! Долго думали и гадали ученые мужи, для чего нужны были людям такие мощные черепа, но, так и не придя ни к какому выводу, оставили вопрос открытым.

Загадку помог разрешить шофер экспедиции Дуб Стоули... По его версии, сразу в послеледниковый период на данной территории существовало сильное, воинственное и властолюбивое племя живазов. Раз в год живазы выбирали вождя. Эти выборы выливались в большое празднество, которое длилось полтора-два месяца.

Накануне праздника мужчины племени каменными топорами валили большие деревья гингко, разрубали их надвое по вдоль и каждую половину выбирали изнутри. Получалось что-то вроде длинных корыт. В них усаживались все соплеменники — от мала до велика. Под звуки там-тама перед людьми вырастал проверяющий — здоровенный детина с двухпудовой дубиной в руках. Здесь надобно сказать, что живазы выбирали вождя не по силе бицепсов и уму, а по крепости головы. Каждый член племени мог стать вождем. Но не каждому это удавалось. Хотя каждый этого хотел, каждый — от мальчика до древнего старика, от девочки — до седой старухи.

Там-там внезапно смолк, и по выкрику председательствующего, восседавшего в личном корыте векового старца с бородкой в три волосины, перед проверяющим предстал новый претендент в вожди. Мощный удар дубиной по голове — и претендент упал замертво. Пока проверяющий заносил дубину над вторым претендентом, возле первых корыт начала выстраиваться очередь желающих попытать счастья. Удар — и второй бедолага с разmozженной головой отправился к праотцам. Удар — и третий, видимо, крепкой породы, упал оземь и пополз в кусты. Удар — и четвертый... Мощный череп четвертого, которого звали Ец, зазвенел, как медный колокол. Но Ец устоял на ногах. Победно загрохотал там-там. Возгласы ликования заполнили округу. Согласно указу одного из предыдущих вождей, претендент должен был выдержать и

второй удар. Причем его должен был произвести сам вождь.

Там-там смолк. Вождь Хаз поднял дубину, испытывая приятное наслаждение в душе. Ец стоял, широко расставив ноги и уткнув руки в бока. Весь его вид говорил, что он, и только он, достоин высокого звания вождя.

Удар! Пронзительный звон медного черепа. Претендент устоял.

Председатель обратился к вождю, желает ли он отстаивать свое звание на новый срок.

— Да, — ответил Хаз. — Я готов.

Он стал в позу и легко выдержал первый удар. От второго удара у него замельтешили круги перед глазами и на черепе появилась глубокая вмятина. Хаз закрыл глаза и шатнулся в сторону, проверяющий коснулся руки вождя и вдруг грохнулся к его ногам. Все поняли, что произошло непоправимое. Раздался дикий вскрик, а за ним женское рыдание. Но вождь был не из слабаков. Он медленно открыл глаза, по-зверинному блеснувшие на претендента. Топаньем и улюлюканьем племя приветствовало вождя. Волнуясь и вытирая со лба крупные капли пота, председатель сказал:

— Хаз и Ец, подойдите к моему корыту.

И когда те подошли, обратился к племени:

— Живазы! — Отныне племенем будут править два равносильных и достойных друг друга вождя. Любите и почитайте их!

И вожди повели по ухабам истории своих властолюбивых сородичей. И снова, как и всегда после выборов, начались длительные, изнуряющие все племя тренировки. Юноши и старухи, девочки и старики с разгону бились головами о скалы и деревья, ломали о свои черепа толстые сухие коряжины и все, что ни попадалось им на глаза. Ломали, крошили, набивая кровавые шишаки и костяные мозоли. Врожденная страсть к власти вела оригинальное племя живазов в Будущее!

Ученые с большим интересом выслушали гипотезу своего шофера, которого многие побаивались за его крутой нрав и необдуманные действия, и тут же приняли ее за рабочую. Только один Рей Свифт позволил себе засомневаться: но ведь не все же теменные кости толстые!

— Не все, — ответил Дуб. — Не все потому, что кое-кто

из соплеменников стал искать другие, менее истребительные, виды состязаний, такие, например, как кто дальше всех увидит и быстрее всех перегрызет ствол бамбука. Победителю, баллотировавшемуся в обоих этапах, самому зоркому и самому грызучему из всех в торжественной обстановке выкалывали правый глаз и выкрашивали все зубы, и он становился вождем. Согласно древнему поверью, одноглазые и беззубые более походили на умудренного жизненным опытом человека, а потому могли без обиняков решать дела племени.

— Позвольте, — засомневался опять Свифт, — но это лишь предположение. И, заметьте, довольно шаткое.

— Ах так! — взорвался Дуб Стоули. — Вы хотели, чтоб через столько-то тысяч лет я выдал вам непререкаемую аксиому! Пожалуйста! Да, не все теменные кости толстые! Не все потому, что, когда численность племени стала катастрофически падать в результате усиленных тренировок и завершающих их выборов-празднеств, новый вождь издал указ, согласно которому тренировки среди простолюдинов под страхом смертной казни запрещались. И хотя люди, действуя в обход указа, по традиции продолжали тренировать свои черепа, было уже не то. Постепенно поняв это, они перешли к хлебопашеству и скотоводству, что позволило племени выжить и быстро разрастись. А вожди стали выбираться только из клана вождей, которые по-прежнему всю жизнь проводили в тренировках и выборах. И лишь позже, значительно позже, стали бить не дубиной по голове, а биться с разгону голова о голову. Но это уже делали не вожди, а их приближенные, причем победа, достававшаяся кому-либо из них, всегда приписывалась вождю.

— Верно! — беспрекословно согласились ученые и с новой энергией вонзили свои скребки в загадочное тело культурного слоя. И хотя Рей Свифт, восседавший на холме свежесырытой породы, готов был еще выразить свое сомнение, он предпочел, что в данном случае лучше этого не делать, и с великим любопытством антрополога принялся разглядывать голову Дуба, его страшно высокий лоб. Не может быть! Не может! Неужели Дуб — потомок того необычного племени!? Неужели?..

И когда Дуб пошел к грузовику и вытащил из кабины монтировку, Рей уже не сомневался. Дуб был способен на все...

Сулимкин еще раз прошелся через раму, критически оглядел себя со всех сторон, выгнулся дугой, заглянул под колени, подмышки и, узрев, что все в порядке, подошел к окну. Густая, выюжная темень. Над одним из подъездов дома напротив тускло горел фонарь. Прохожих нет. Да и не должно быть. Кому захочется в полночь морозить нос в этой леденящей круговерти!

Нисколько не стесняясь, Сулимкин вышел из подъезда. Глотнув колючего воздуха, поперхнулся и решительно направился в просвет между пятиэтажками. Если б знало, если б только человечество знало и ведало, перед каким историческим фактом оно окажется через каких-то полчаса! И он, Сулимкин, в эту предновогоднюю ночь подарит людям изобретение века! Да что там века! Тысячелетия!

Тут самое время сказать, что Сулимкин изобрел одежду, которой... нет. Собственно, она есть, но ее как бы нет в нашем понимании. Нет тебе никакой шубы, ни шапки, ни штанов и даже сапог нет. И нижнего белья тоже нет. А есть прилипший к телу белый порошок и все!

Позавчера, мастера трехлетнему Лешке пенопластовый кораблик, смысленный папаша заприметил, как крошки пенопласта пристают к рукам. И не только к ним. Тотчас проведенные эксперименты показали, что крошки пристают ко всему телу.

Заводской электрослесарь Сулимкин хорошо знал, что это — статическое электричество. Из куска пенопласта горячей нихромовой волосинкой нарезал пластин трехмиллиметровой толщины, разместил их между двумя слоями ситца и прострочил на квадратики весь этот слоеный пирог.

— Вась, а Вась, ты что там творишь? — донесся из ванной упрекающий голос жены. — Очередной захлест?

— И не только! — с энтузиазмом отвечивал изобретатель, натягивая пенопластовые носки на свои крупноразмерные ступни, хватая шубу и выскакивая на мороз.

— Ох и надоел же ты мне со своими изобретениями, как горькая редька! — понеслось ему вслед.

Примерно через полчаса он заявился. С рыжих тонких усов свисали сосульки, а волос над ушами был густо запорошен. Все его существо пылало от счастья: из пенопласта можно делать обувь!

Следующий эксперимент он проводил, так сказать, не сходя

с места. Одну руку укутал в пенопластовую крошку, а другую оставил так — и обе выставил в форточку. Вторая стала замерзать. Значит, из пенопласта можно делать и одежду!

И вот сегодня ночью, когда жена с сынишкой ушли к своей больной матери на другой конец городка и его никто не укорит и не осмеет, он проводит коронный опыт. Еще с вечера Сулимкин запрятал провода и постоянные магниты в дверную раму, через систему приборов подвел к ним ток и, приготовив полведра крошки, стал посыпать ею раму. Крошка тут же прилипала к ней. Теперь стоило голому человеку пройти через раму, одновременно отключая ток, как тысячи белых шариков устремлялись от нее к телу и налипали на него слоем до пяти миллиметров.

Сулимкин вышел на хорошо освещенную площадь перед горисполкомом и чинно прошествовал у главного входа. Холода или озноба он не ощущал. Крошка работала исправно. Два квартала по направлению к кафе он шел в полной темноте и еще не знал, что в трансформаторной будке, которую только что прошел, ища неисправность, орудовали электрики. На душе было весело. Он живо представил, какие великие блага даст его изобретение человечеству. Во-первых, страшная экономия бюджета! Одевание из крошки будет стоить копейки. Во-вторых, в нем, если только утолстить его до двух-трех сантиметров, можно, не боясь утонуть и простудиться, плавать даже в Ледовитом океане! В-третьих, экономия времени на одевание и раздевание, а это при нынешнем дефиците последнего чрезвычайно важно. В-четвертых... Рассуждая так, Сулимкин, того не замечая, начал пританцовывать, выделявая несложные па ритмической гимнастики.

— Коля, смотри! — в испуге прижалась она к нему, упершемуся спиной в тополь. — Снежный человек.

— А! — удивился он. — Не может быть! Йети!

— Тише! Откуда он тут?

— «Откуда». С сопок сошел!

— С наших?

— А-то с каких же!

Между тем, йети то ли надоело заниматься аэробикой, то ли он что-то заметил, то ли услышал какой звук, насторожился. И вдруг направился в сторону автобусной остановки.

— Коля! Он нагнулся... что-то шарится там... под лавкой.

— Да вижу!

А йети ласкал небольшого беспородного пса, сжавшегося

от холода в клубок. Окоченевшее животное совсем не выказывало испуга, а почувствовав тепло и участие в своей судьбе, прижалось к человеческой руке, задрожало и жалобно заскулило.

— О! Он берет собаку... на руки...

В этот момент одновременно на всей улице вспыхнул яркий свет. Йети оглянулся и, в ужасе увидев наблюдающую за ним парочку, бросился наутек. Ему вдруг стало холодно. Он видел, что за ним гонятся. И тогда, чтобы увеличить скорость, быстро опустил пса на тротуар. Но что это?! Йети очумело глянул нет, не на этого беспородного пса, а на бесформенную фигуру с четырьмя маленькими ножками. И сразу же понял, что полностью разрядился на эту проклятую псину.

Между тем, взволнованная таким перевоплощением парочка, видимо, спортивная, продолжала преследовать их: снежного человека, ставшего вдруг обыкновенным, и не отстающей от него ни на шаг дворняжки, ставшей вдруг пуделем.

Не добежав каких-то двадцати метров до своего подъезда, Сулимкин поскользнулся, упал, перелетел через голову и снова поскользнулся. Оба преследователя — он и она — взяли его в кольцо. Он секунду-другую вглядывался в «снежного человека», потом в крайнем удивлении раскрыл рот:

— Васька, ты?

— Да какой я тебе Васька! — в сердцах выпалил Сулимкин, устремляясь в подъезд.

Каковы же были его удивление и растерянность, когда пулей влетев на пятый этаж, он увидел сидящую на ступеньках собственную жену!

И Сулимкин понял, что становится холостяком.

РИСОВЫЕ КОНФЕТЫ

Кооператору Слабодяну запретили изготовление и сбыт козинак. Тех самых из воздушного риса, на которые затрачивается сахара — по данным госторгинспекции — уйма и которого в последнее время хронически нехватает. То ли алкоголики составили ему конкуренцию, то ли...

Но факт остается фактом — сахара не хватает.

Кооператор Слабодян из тех людей, что духом не падают, умеют обходить законы, не нарушая их, а главное — у него так и бьется, так и бьется изобретательская жилка.

Проведя большую исследовательскую работу, он добился феноменального успеха и, придя в горсовет, грохнул на стол перед носами господчиков коробку с коричневыми шарами величиной с голубиное яйцо:

— Не даешь делать козинак, дай конфет делать!

Финансисты обалдели:

— Это — конфеты?

— Ешь, — простодушно отвечивал изобретатель. — Ешь и разрешай.

Красавица с перламутровыми ногтями такой длины, что им позавидовали бы средневековые китайские «боксеры», двумя пальчиками взяла конфету:

— Это... шоколадом облито? Но в шоколаде все равно сахар!

— Нет сахар! Ты — ешь.

Она надкусила, и когда конфета издала звук наподобие щелчка, испуганно отбросила ее на стол.

— Не надо бояться, — Слабодян сунул новую конфету себе в рот. Щелчок — и ее не стало.

— А что это щелкает?

— Кислород щелкает.

— Как... «кислород»?

— Начинка — кислород. Чтоб голова у тебя лучше работала. Даешь продавать?

Женщины быстро разобрали конфеты, защелкали:

— Изумительно!.. Но они пустые!

— И — сладкие. Из сахара?

— Слушай, какой сахар. Покупал дынь, варил на печке, на этом отвар замешивал. Какой сахар?!

— А из чего оболочка?

— Э-э, слушай. Секрет, понимаешь. Тайна.

— Мы должны знать, из каких веществ сделаны ваши конфеты. Иначе невыдадим...

— Слушай, дорогая, секрет нельзя выдавать.

— Ну и мы не можем выдавать патент. А может, здесь цианистый калий?!

— Слушай, какой калий! Рисовый конфет.

— Из риса? Из одной рисинки?.. Целая конфета из одной рисинки?

— Из одной, из одной, — занервничал кооператор.

— Вы что же, хотите поштучно продавать?

— Штуками! Пятьдесят копеек штука. Даешь патент?

— Подождите, Слабодян. Это что ж, выходит, из одного килограмма риса можно получить ведро ваших конфет?

— Э-эээй... какой ведро! — взорвался Слабодян. — Четыре мешка не хочешь!

— Значит, вы покупаете один килограмм риса, затем шоколад, дыню, кислород в баллоне, так?

— Зачем считать, слушай. На тыщу рублей затрат, пятьсот тыщ — чистый прибыль.

— Так это... это настоящее объегоривание!

— Слушай, я даром голову ломал? Даром думал? Даром, что ли, продавать буду? Так по-твоему?!

Слабодяна просили придти после обеда. Ему выдали патент. Не имели права не выдать. Правда, директор треста общественного питания пытался возражать, но доводы его были не убедительны и сводились к одному: все равно Слабодян использует сахар, пусть даже дынный. А технологию производства конфет надо у него заполучить. Для государства... И его самого пристроить где-нибудь в кондитерском цехе.